

РАЗГОВОР НАПРЯМИК

Каким быть возвращённому сочинению?

Пожалуй, главное событие в сфере образования минувшего года: в школу вернулось сочинение. В декабре его спешно, без основательной подготовки написали во всех школах России. Учителю по этому поводу переполняют мысли и эмоции, которые очень важны, поскольку, если сочинение призвано принести пользу, не кто иной, как учитель может и должен определять его особенности – тематические, методические, организационные. Приложение «Словесник» и Ассоциация учителей русского языка и литера-

туры Ленинградской области провели круглый стол, посвящённый возвращённому школьному сочинению, в котором приняли участие также словесники Москвы, Пскова, Иванова, Карелии. Выступления были содержательными, поднималось много тем, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения. Мы публикуем наш обзор и от души надеемся, что учителя-словесники из регионов России поделятся со «Словесником» своим опытом и представлением: каким быть возвращённому сочинению?

Елена ЯДРОВСКАЯ, доктор педагогических наук, доцент кафедры образовательных технологий в филологии РГПУ им. Герцена:

Я сделаю краткий экскурс в историю методики. Первоначально главной задачей сочинений была грамотность. Но уже во 2-й половине XIX века сочинение стало средством анализа, инструментом осмысления текста, чтению и письму становятся неразрывными вещами. Сочинение – это и инструмент анализа, и его итог. И как учили детей писать сочинение? Дети, например, читали описание водопада у Жуковского, а потом им предлагалось самим составить описание. Главным методом было не копирование, а подражание. Это абсолютно разные вещи. Подражание – это описание образное.

Рубеж XIX–XX вв. был очень важным для методики. Сочинение стало формой размышления, упражнением в изложении собственных мыслей. Отвлечённые темы были заменены вопросами к произведениям. Были введены темы по искусству, сочинения по картине. В 1916 году в Москве прошёл съезд, посвящённый творческим работам учащихся. Было выявлено глубочайшее расхождение между школьным сочинением и свободным творчеством ребёнка и установлено, что главная проблема школы – это что ребёнок пишет не о том, о чём бы хотел писать, не о том, что он думает и чувствует. Была даже издана книжечка «Как собирать продукты детского творчества» (1927 год) – она была объявлена безусловной ценностью: собирались дневники, даже школьные записки. Лишь позднее возобладала точка зрения, что до письма ребёнок должен ещё дорасти, а задача учителя – пробудить в ребёнке стремление воссоздавать в слове своё отношение к миру.

М.А. Рыбникова различала сочинения свободные (внелитературные) и школьные (на литературную тему). И она была убеждена, что учить ребёнка надо начинать с сочинений на жизненную тему и лишь потом вводить контекст литературный. Таким образом, знаменитая формула Рыбниковой «от маленького читателя к большому писателю» ставила целью движение от чтения к письму и от письма к чтению.

Л.С. Выготский был убеждён, что без эмоциональной реакции на текст не может быть результативно чтения. Сегодня дети всё чаще смотрят кино, потому что они привыкли получать готовые картинки, воображение становится беднее: строительный материал для него есть, а механизмов – нет. В 60-е сочинение рассматривалось так: ученик самостоятельно освещает вопрос и стремится передать свою точку зрения.

В девяностые была выстроена система творческих работ по литературе (Маранцман), развиваются разные жанры творчества. На первый план выходит слово «интерпретация» как путь понимания, истолкования произведения. Через написанное ученик объясняет его себе сам, объясняет другому, мы приводим мысли и чувства в порядок. Сочинение становится механизмом понимания. Ученик может посмотреть на текст как литературовед, как критик, как художник, как сценарист. Разные жанры помогают поливариантности восприятия. И смысл творческой работы – в самом процессе, прежде всего.

В 2000-е годы – даже по количеству защищённых диссертаций видно резкое снижение интереса к письменным работам, растёт их стандартизация. Стандарт 2004 года задаёт достаточно высокую планку предмету «литература» – точнее, только декларирует, потому что механизмов для реализации не было. В 2010 году впервые за много лет – пусть и снова в форме деклараций – стали говорить о творческих работах учеников. Проповедуется хорошая идея, но механизмы её реализации находятся в абсолютном противоречии с нею. И ситуация неопредёлённа. Кто-то хотел бы вернуться в прошлое, кто-то уже набил руку на современных технологиях... а заложником является ученик. Задача – возвращение смысла этой письменной работы. И для этого нужна систематическая работа с 1-го по 11-й класс. Вот мы сейчас с верхушки начали – а надо бы с начала.

Елена ШАРАЯ, начальник сектора итоговой аттестации обучающихся Комитета общего и профессионального образования Ленинградской области:

Наверное, я верну вас на землю грешную... Но я чиновник. Мы с вами были поставлены в такие условия: нам сказали за три месяца подготовиться к сочинению. Оно выступило в роли некоего заложника. Перед нами стояла задача: вернуться в определённую систему. Я считаю, что мы с вами очень быстро и хорошо организовались. В каждой школе были созданы комиссии по проведению, которые исключали учителей-предметников. Выделили отдельную комиссию по проверке. Обучили учеников работать в иных бланках. Учащиеся участвовали в репетиционном сочинении-изложении. То, что мы так интенсивно готовились, позволило нам провести сочинение спокойно, без эксцессов. Участвовали 96% выпускников. Это 5119 человек, из которых один процент писал изложение. Удовлетворительный результат получили все, кроме 25 участников (это 0,5%). Мы понимаем, что проверять надо честно, но важно и понимать, что учени-

ки попали в очень непростую ситуацию. Поэтому сочинение у нас всё-таки вводится на мягких лапах... Алексей ДУНЕВ, учитель русского языка и литературы Ново-Девяткинской средней школы № 1 Всеволожского района Ленинградской области:

Возвращением сочинения связаны и ожидания учителя литературы. Во-первых, литература как школьный предмет может повысить свою значимость. Во-вторых, необходимость подготовки к сочинению стимулирует интерес к чтению – мы на это надеемся. В-третьих, новый экзамен может стать объективным показателем развития ученика, его готовности к взрослой жизни. Есть и сверхцель: доказать, что без литературы невозможно существование человека даже в XXI веке. Есть цели развития читательской компетенции, навыков письменной речи. Нынешние критерии оценки достаточно широки, что позволило подавляющему большинству успешно справиться с этой работой... и это, конечно, хорошо для всех: учителей, учеников, родителей, чиновников. С другой стороны, широта критериев не позволяет действительно оценить читательскую компетентность учеников, их владение словом. Понятно, что критерии были приняты наспех, в тех неожиданных условиях, которые возникли. Они не оценивают фактические и логические ошибки. На усмотрение проверяющего отдана оценка качества письменной речи. Если общий смысл понятен – можно поставить зачёт... По наблюдению учителей, чаще всего был не зачтён критерий номер пять, то есть грамотность. Не очень понятно, почему критерии так похожи на критерии оценки части «С» ЕГЭ: не идентичны, но похожи. Такой экзамен не оправдывает ожидания учителей, он превращается в дублирующий контроль навыков письменной речи.

Окончание на стр. 2

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

«Успех нас первый окрылил...»

Двести лет назад в январе 1815 года в Царское Село императорским лицее состоялся переводный экзамен с младшего курса на старший. В программу публичных испытаний 8 января входил экзамен по русскому языку, а один из его разделов предполагал «чтение собственных сочинений». Среди гостей Лицея был знаменитый поэт Гавриил Романович Державин.

Со слов Пушкина известно, что лиценсты читали и анализировали державинские произведения: «...читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочёл мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина...» И после того лицейский экзамен всегда вошёл в историю. Сохранились письма, заметки и воспоминания современников, каждый из которых добавляет что-то своё в рассказ о встрече юного лиценста и «маститого старца», ведь спустя годы рассказчики сознавали всю её значимость. Вслушавшись же в это многоголосие, представим картину того январского дня, когда Пушкин был назван поэтом.

Вот голос его ближайшего друга, лицеиста Ивана Пушина: «На публичном нашем экзамене Державин, державным своим благословением, увенчал юного нашего поэта. Мы все, друзья-товарищи его, гордились этим торжеством. Пушкин тогда читал свои «Воспоминания в Царском Селе». В этих величальных стихах затронуто всё живое для русского

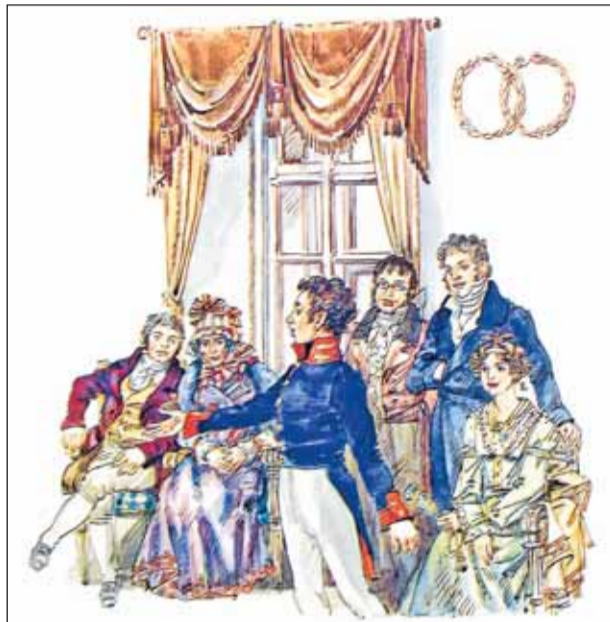

Иллюстрация к книге Натальи Михайловой «Александр Пушкин и его дядя Василий». (Издательство «Детская литература», 2014). Художник Юрий Иванов

сердца. Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробежал у меня...» Пушин вспоминает спустя почти сорок лет, но эмоции от пережитого остались в его памяти во всех подробностях.

После экзамена гости были приглашены на торжественный обед, и там произошла знаменательная сцена, которую подробно описал Сергей Львович Пушкин: «Я не забуду, что за обедом, на который я был приглашён графом А.К. Разумовским, бывшим тогда министром просвещения, граф, отдавая справедливость молодому таланту, сказал мне: «Я бы желал, однако же, обрывать сына вашего к прозе». «Оставьте его поэтом», – отвечал ему за меня Державин с жаром, вдохновенный душой всё живое для русского

Отметим, что Александр Пушкин исполнил и пророческое пожелание Державина, и наставительное замечание Разумовского. Ему оказались подвластны все литературные жанры. Да и о самой встрече с «певцом Екатерины» он рассказал и в поэтическом послании, и в романе «Евгений Онегин», и в заметке «Державин», причём финал, в зависимости от выбранного жанра, оказывался разным.

*И славный старец наш,
царей певец избранный,
Крылатым гением
и грацией венчанный,
В слезах обнял меня
дрожащею рукой,
И счастье мне предрёк,
незнаемое мной*

– эти возвышенные строки из послания «К Жуковскому» (1816). В заметке «Державин» (1835–1836) всё описа-

но более буднично: «Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли».

Как же было на самом деле? Всё-таки «обнял» или нет? В «Записках» Пушкина сказано: «Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах сбросил себя целовать его и осенил кудрявую его голову, мы все, под каким-то неведомым влиянием, благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его не было: он убежал!»

Видимо, всё именно так и было: благословение поэта-старца («Бессмертный певец бессмертной Екатерины благодарил тогда моего сына и благословил его поэтом»), и вслед за этим – внезапное бегство юноши, который не в силах был совладать со своими чувствами.

Конечно, Пушкин дорожил воспоминанием об этой встрече, дорожил и гордился: «Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду...», но при этом мог с лёгкой иронией сказать о своём союзе с Музой: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил».

Пожалуй, главное, что он испытал в тот лицейский день, – состояние восторга и вдохновения: «Я не в силах описать состояния души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом...»

Окончание на стр. 3

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Второе рождение

Борису Пастернаку 125 лет

На пятом году скандала, связанного с публикацией в Западе романа «Доктор Живаго» и присуждением автору Нобелевской премии, ровно 50 лет назад, в 1965-м, в «большой серии» «Библиотеки поэта» вышел том Бориса Пастернака. Мне было 12 лет, и скандал прошёл мимо меня. Но через год я резко повзросела и стала следить за модой, в том числе литературной. А она диктовала овладение поэзией Пастернака во что бы то ни стало. Добыть синий том легальным путём не представлялось возможным: у родителей моих не было блага в книготорге – они сами грелись зимними ночами у костров, стоя в очереди за подписными изданиями. Но эти труднораздобываемые подписки можно было на Пастернака обменять. Не стану рассказывать, чего лишилась домашняя библиотека и что мне за это было.

Том открывался первой публикацией поэта – стихотворением «Февраль. Достать чернил и плакат», правда, в редакции 1928-го, а не 1913-го. Но таких тонкостей я тогда не знала. Дитя дефицита, глагол «достать» я воспринимала как синоним «добыть», «купить», но не обычным товарно-денежным путём, а хитроумным, обходным. Неужели на заре пастернаковской юности с чернилами в России была такая напряжённость? Второе разочарование постигло меня на строке «Но ты прекрасна без извилин». Как можно восторгаться девушкой «без извилин», мне, считающей себя очень умной, было непонятно. Таких, на мой взгляд, нестыкливо, неточностей и соскальзываний с оси смысла в книге обнаружилось немало. Но говорить об этом вслух я опасалась: моё окружение, в ос-

новном старшее по возрасту, подлая бы меня на смех. В каждом доме, претендующем на интеллигентность, перделкинская фотография Пастернака в домашней куртке стояла рядом с фотографией Хемингуэя в рыбацком свитере. Рядом с моим Тамбовом, в Воронеже, жил и писал Алексей Прасолов, поэт с безупречным слухом и слогом. Но моды на него не возникло. Кто-то поведал, что за океаном сняли фильм по «Доктору Живаго» (которого я, естественно, ещё не читала). Увидев года через три кинокартину «Смешная девчонка», я догадалась, что слащавый Омар Шариф и есть доктор Юрий Живаго. С тех пор никогда не сравниваю экранизацию с экранизируемым. Много после, уже в эпоху подпольных видеосалонов, оказалось, что Урал, по голливудской версии, расположен в Альпах и усеян пармскими фиалками. Картина Дэвида

Лина, получившая пять «Золотых глобусов» и аналогичное число «Оскаров», вышла в том же году, что и синий том, и, таким образом, нынче выпало целых три юбилея, связанных с Борисом Пастернаком.

Собственно, об отношении к поэту уже всё сказал корифей эмигрантской критики Георгий Адамович. Он пережил Пастернака на 12 лет, но написал о нём в 1933 г.: «Каждый из нас встречал этих фанатических и искренних поклонников Пастернака, наизусть читающих самые путаные его строфы, с упоением вслушивающихся в причудливые звуковые сочетания, которые в них возникают. Но таких людей немного. Гораздо больше у Пастернака поклонников мнимых, принявших слух о необычайной его даровитости на веру и не всегда даже делающих попытки этот слух осмыслить».

«Словесная гимнастика», о которой говорил Адамович, штука завораживающая и не требующая рассуждений, как и миф, согласно которому Пастернак тяжело страдал от власти. Строки его стихов, ставшие опознавательными знаками принадлежности к касте посвящённых, давно оторвались от стихотворений, откуда почерпнуты. «Быть знаменитым некрасиво». (А ведь он сам предупреждал, что слово имеет обыкновенное обывательское!) Пастернак выдвигали на Нобелевскую премию с 1946 по 1950 г., в 1953 и 1957 гг.; «И долгие века длится день», «Не спи, не спи, художник» и т.д. Это раздражение на фрагменты – один из главных признаков моды: всегда есть чем блеснуть среди чужих и вписаться в систему паролей и отзывов среди своих.

Окончание на стр. 3

Каким быть возвращённому сочинению?

Окончание. Начало на стр. 1

Конечно, сочинение как средство контроля востребовано: часть «С» ЕГЭ не отражает уровня развития личности и нередко показывает лишь владение текстовым шаблоном. Недостатком можно считать отсутствие дифференцированной оценки. Сочинение, на мой взгляд, не должно дублировать то, что проверяется на экзамене по русскому языку. Здесь нужно преодолеть шаблон, а это можно сделать, только если включить в оценку такие критерии, как выразительность, образность, оригинальность текста.

Татьяна СОКОЛЬНИЦКАЯ, заместитель директора Центра по работе с талантливыми молодёжью, привлечению абитуриентов и довузовскому образованию:

— Я бы не хотела вступать в дискуссию с Алексеем Ивановичем, но свой внутренний диалог хочу привести. Я по поводу критериев размышляла. Так как много лет работаю в комиссии контрольных разработчиков, я понимаю, почему они такие. И почему исключены выразительность, оригинальность, понимаю: их сложно оценить. Гораздо проще оценить речь с точки зрения ошибок — а вот попробуйте выработать критерии оригинальности, образности... может быть, критерии выразительности выработать проще. Это мой аргумент. Но у меня есть и контраргумент. Ведь много лет я работала в предметной комиссии, и мы проверяли вступительные сочинения в вуз. И оценивали мы оригинальность. И оценивали мы выразительность. И как то у нас это получалось! И мы выделяли сочинения, отличающиеся этими параметрами. А вывод я никакую не хотела бы делать... Надеюсь, что всё-таки удастся избежать этой безобразной шаблонной формы. Помните, уважаемые коллеги, были такие сборники «300 золотых сочинений» и так далее? Ведь их авторы не дремлют! Они уже сидят и строчат!

Дунев: В медальной комиссии мы именно это оценивали, у нас были свои критерии.

Лилия БАТАЛОВА, заслуженный учитель России, Сертоловская средняя школа № 1:

— Претендент на золотую медаль Артём Васильев спрашивает меня: «Почему так несправедливо государство со мной поступило? Я знал, что я не хочу писать сочинения, и потому пошёл в математический класс. Меня заставили, я не умею». Да, я готовила все темы с каждым ребёнком, больше всего им понравилась тема «Любить и быть любимым», но дети плохо понимают, в чём разница между частью «С» ЕГЭ и сочинением, и, конечно, это была профанация. Их же надо к этому готовить, объяснять разницу между жанрами. Тот же Артём Васильев сказал, что если бы он с пятого, ну хотя бы с девятого класса знал, что будет итоговое сочинение, он бы к нему приготовился. И нужно для этого не четыре часа в неделю, а шесть часов... И конечно, это безобразие, когда детям разрешено пользоваться орфографическим словарём, но они всё равно делают 10–15 ошибок.

Галина ИВАНОВА, преподаватель, председатель приёмной комиссии по русскому языку Российской правовой академии Минюста России:

— У вас много сил, чтобы проверить все эти сочинения бесплатно в нерабочее время? Вы хотите жить и умереть в школе? Надо рационально на такие вещи смотреть. Да, я не сторонник творческих критериев для всех. Есть дети, заточенные на исследовательскую работу, где жёсткая логика рассуждения. Я сторонник метапредметной концепции этой работы. К ней должны готовить не

только учителя литературы, но и учителя обществознания и истории, в школе должна быть единая комиссия, куда обязательно должен входить психолог. Извините, но понятие «моральный выбор» изучается в обществознании. Почему мы должны отвечать за их работу? Надо создавать дублированные курсы. Так что я сторонник того, чтобы усиливать такие критерии, как чистота, богатство, логичность речи. Готовить детей надо дифференцированно, в зависимости от того, какие у них ожидания от сочинения. Некоторым дай бог грамотно написать. Те ребята, которые настроены на гуманитарные вузы, где будет вступительное сочинение, — это совсем другой уровень подготовки, их всегда немного.

Виктория КОНЯЕВА, учитель, Лодейное Поле:

— У меня просто ремарка: учителя выполняют проверку сочинений после уроков. Как им будут это оплачивать? Никак! Они проверяют их до вечера после шестого урока, а назавтра снова идут в школу. Мы записали эти сочинения в журнале, но как часы мы их не засчитали. Потом: пробудить интерес к чтению — в данном формате — невозможно.

Голос из зала: Можно.

Коняева: Ну, это единичные случаи. Творческая работа становится просто плюсом, допуском к экзамену... это что за цирк? А после того как ты в декабре получишь свой допуск, пролитературу можно забыть.

Надежда ЖУКОВА, учитель, Иваново:

— Я так давно живу, что помню время, когда во всех учебных заведениях все — физики, лирики, химики — в течение четырёх часов писали сочинение. Нешаблонное. Писали так, как мы их научили. Смысл в введении сочинения есть. Но нужно определиться с критериями, и очень важно определиться с тем, что такое коммуникативный замысел, с тем, где в тексте ключевые слова... Вот я спрашиваю своего ученика: что ты здесь такое написал? А он мне: Надежда Генриховна, ну вы же понимаете... Так это не я должна понимать! Замысел должен быть понятен незнакомому человеку. Вот у нас в сочинении была проблема с определением коммуникативного замысла.

Маргарита КОРОБИЦЫНА, учитель, Сосновый Бор:

— Я последние три года работаю в допдидacticком образовании. И одиннадцатиклассникам, которые ко мне приходят, я говорю, что они, в отличие от предыдущих лет, снова соприкоснулись с чтением и литературой. Мы перечитали много книг, мы просто учились читать. Паустовский был прав, когда говорил, что нам не хватает талантливых читателей. И дети откликнулись, они всё-таки начали читать.

Ядровская: Проблема создания текста — это не проблема школьника. Я могу засвидетельствовать, что и студенты у нас плохо пишут текст. По диагонали читаем, по диагонали пишем... Некоторое время назад у нас на кафедре девушка при написании магистерской работы просто составила куски из текстов своих коллег. И она искренне не понимала, что плохо она сделала. У нас нет понятия авторского текста. И школа, как всегда, оказалась в центре этих проблем. Честь и хвала тем учителям, которые все эти годы писали сочинения, вопреки преградам развивают ребят.

Надежда ТРУСОВА, учитель, Ломоносовский район:

— В девятом классе даётся рассказ «Судьба человека» — и все схватились за этот рассказ. Он короткий, интересный. «Сотникова» тоже ещё помнят. А

вот «Войну и мир» уже забыли. Какие-то проблемы не трогают сердце ребёнка. Но тема войны, которая сейчас связывает нас с Украиной, была близкой, и дети злились за неё... Но на каких уроках нам готовить детей к сочинению? Разве у нас есть факультативы? Или какие-то дополнительные уроки? Учитель русского языка в нашей области загружен по шапку... У кого нет 25 часов в неделю, поднимите руку. (Поднимается одна рука.) И можно ли писать сочинение, когда большая часть программы 11-го класса ещё не пройдена?

Людмила ДУДОВА, председатель координационного совета АССУЛ, доцент кафедры филологического образования Московского института открытого образования:

— Я безусловно вам признательна за ваши выступления. Каждое выступление — это те аргументы, которые я приводила, когда начинала работать координационная группа по сочинению. И ваши замечания совпадают с тем, что говорили московские учителя. Хотя в официальных релиниях всё прекрасно. Мы обсуждали месяца полтора и жанр, и отношение этого сочинения к части «С» ЕГЭ по русскому языку и литературе. Было совершенно очевидно, что если сочинение переключается с этими экзаменами, то смысл его исчезает. Предлагали пойти по пути жанра: чтобы, например, было сочинение-решения, и не обязательно на художественный текст, но и на биографию, научно-популярную литературу. Или: почему бы не использовать жанр очерка? Но эти идеи были отвергнуты как слишком сложные. Говорилось, что дети непременно должны излагать свои мысли. И получилось вот что. Я прихожу в прекрасную московскую школу и смотрю работы. У нас в Москве о войне писали не очень много. Но то, что писало, меня поразило. Они не понимают, что значит война и что значит страшно, но понимают вот эту дружинскую строчку. Знаете, что им показалось страшно? Что война — это грязь и что это больно. И насколько нравственно требовать от ребёнка изложения его точки зрения и жизненных примеров, когда мы буквально ему в душу заглядываем? А вот примеры из литературы они часто приводят «для голочки». Упомянут, что, мол, тема семьи рассматривалась в романе «Война и мир»... Да, я двумя руками за возвращение выпускного сочинения в школу и за то, чтобы мы всё-таки учили учеников осмысленной письменной речи. Литературоведческий анализ — это всё-таки удел ограниченного количества учащихся. Главное, чтобы они умели высказывать свои суждения, привлекать примеры из художественной литературы.

Если рассматривать этот вид итоговой аттестации как проверку метапредметную, мы снимаем кучу проблем. Учитель-словесник никогда спокойно жить не будет, но он не должен отвечать за пять государственных экзаменов: девятый класс, одиннадцатый класс, а теперь и сочинение. Пусть подключаются учителя истории, обществознания, МХК... Ведь связность речи, умение излагать развивают все учителя. Почему учить логике рассуждения должны мы, учителя русского языка и литературы? Логика нужна всем. Если вы хотите сформировать человека думающего и пишущего, надо вернуть в программу и внеклассное чтение, вернуть отнятые у словесников часы. И определиться наконец с тем, что сочинение проверяет метапредметные способности. И тогда историки вспомнят, что они тоже могут писать сочинения.

Юлия ОЛЕХОВА, учитель, Всеволожский район:

— Экзамен никогда никому не прививал любви к чтению. Литература — это проблема, с которой хочется познакомиться. О чём говорит общество, о

том на уроках говорим мы. А школьная программа заканчивается прошлым веком. И дети не понимают, о чём мы вообще хотим с ними разговаривать. Мы не успеваем говорить о литературе как неотъемлемой части нашей жизни даже в наш прагматический век. Мы сами не рассматриваем её как часть нашей жизни.

Ядровская: Хочу обратить ваше внимание, коллеги, что благодаря возвращению сочинения мы, учителя-словесники, ставим эти глобальные проблемы, как вырастить зрелого ученика.

Звонит мне недавно моя коллега — блестящий учитель. Звонит и плачет навзрыд: «Я ухожу из школы. Помогите мне принять это решение». Всё у неё хорошо: дети любят, администрация любит, категория есть, зарплата хорошая... Всё хорошо, но: «Я не могу больше выносить разведения того, что я хочу делать и что я должна делать; я теряю смысл своей деятельности. Я хочу какого-то совмещения смыслов». И ещё очень важный момент: момент унижения, когда во время проведения экзамена и сочинения высказываются полное недоверие учителю. Ему ни в чём не доверяют.

Шарая: Я предлагаю под другим углом зрения смотреть на эту ситуацию. Вы скажете спасибо, коллеги, что вас избавили от необходимости там находиться. Вы даже не представляете, что ваши коллеги из регионов, где нет видеонаблюдения, делали на экзаменах, как они помогали детям сдавать ЕГЭ.

Дудова: Я тоже думаю, что доверие к учителю проявляется не в отсутствии видеонаблюдения на экзаменах. Я сейчас лечу в Дагестан, где есть проблема: там учителя настаивали на именно так понимаемом доверии. Поэтому у них сейчас не только дети, но и учителя плохо говорят по-русски. Но есть другая проблема: лучшие учителя — лучшие! — не могут переносить тот напор бумаг, который на них валится и которые они постоянно вынуждены заполнять. Да, есть плохие учителя. А разве в других сферах все хорошие? Те профессии, на которых держится общество, попадают под наибольшую критику. Учитель у нас до сих пор оценивается по баллу ЕГЭ, при том что есть такие дети, которые, если получили хоть 36 баллов, то их учителю памятник надо ставить! А не тем, у кого учёба стобальнички, которые сами по себе талантливы и мотивированные дети. Необходимо работать над повышением статуса учителя.

ИТОГОВЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ:

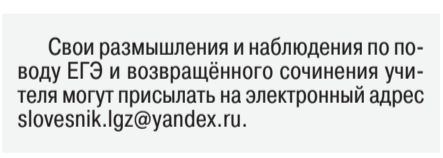
— Уточнить цели и место сочинения в системе школьного литературного образования, поставить вопрос о систематической работе над сочинением с 5-го по 11-й классы.

— Изменить срок проведения, сочинение должно завершать курс русской литературы в школе (вероятно, позднее всего апрель).

— Сочинение имеет метапредметный характер, к подготовке нужно привлечь школьных психологов, учителей обществознания; возможно, это итоговая форма метапредметного результата обучения.

— Отработка критериев оценки, более чёткая аргументация выставления оценки.

— Работа экспертов не может проходить в ущерб школьному процессу и должна быть оплачена.

Эликсир читательского счастья

Вы когда-нибудь экспериментировали с рецептами? С тех пор как вами овладела идея подружить ребёнка с чтением, вы превращаетесь в безумного кулинара, который швыряет в котёл одну приправу за другой и смотрит, какой выйдет результат: заклубится ли разноцветный дымок, сварится ли волшебное зелье. Только подбрасывать вы, само собой, будете книжки — вашему будущему библиофилу, который ещё не знает, что судьба его решена. И сперва это, вероятнее всего, будут любимые книги вашего детства. Поглядь! Это же «Том Сойер»! Я его зачитала до дыр! А вот, например, «Хоббит»... В библиотеке он был по записи!

Но если на лице чуда ни тени ликования? Так в своё время я испытала досадное разочарование, когда родители, захлёбываясь от восторга, усадили меня смотреть фильм «Фантомас». Ценность их детских воспоминаний, этот чистый экстаз счастья, значительно превосходила ценность самого «Фантомаса»... Художественное произведение — безусловно, катализатор, но в том и волшебство, что реакции не обязаны быть идентичными: у кого бурный всплеск, а у кого пшик. Пиетет к классике тоже не впитывается с молоком. Так, мой знакомый с содроганием вспоминает, как в дошкольном возрасте его еженедельно «втыкали» «Сказкой о рыбаке и рыбке». Только вы знаете склонности своего ребёнка, вам и искать хрупкий баланс между «сложно и пока не интересно», «просто и уже не интересно», «трудновато, но любопытно», пока однажды не станет «легко и захватывающе!» Неудачи — ещё не повод прерывать эксперимент.

Литературная «диета» — это и сокращение информационных раздражителей. Много ли их было раньше? Мама на работе, мультики нескоро... Читалось запоем всё подряд: от «Собора Парижской Богоматери» до справочника по фотографии. Но в мире, который круглоосуточно переливается всеми красками, naïвно ожидать от детей трепета перед бумажной книгой. Жажда информации удовлетворяется мгновенно, с лихвой, с переизбытком, одним нажатием кнопки. Информации столько, что она утомляет, а тут ещё мама исподтишка подливает ветхого «Тома Сойлера». И драконовский метод «запретить телевизор, компьютер, телефон» — не годится: легко ли придётся детям, которые рано или поздно покинут уютный «бункер»? А вот разумно дозировать и предлагать альтернативы — безусловно.

Список альтернатив расширяется с пониманием главного: к чему столько усилий? Мир изменился, и не будет прежних форм. Нам неприципиально, чтобы они пользовались бумажными автобусными билетами или дисковыми телефонами, но принципиально, чтобы читали. Просиживали над стопкой бумаги, испещрённой знаками?

Или всё же разделили с нами общее культурное наследие? Не разучились познать и размышлять? И иногда ненадолго убежать от реальности? Чтобы не оборвалась тонкая связь между нами и нашими детьми, не рухнуло понимание, чтобы они помнили наших любимых героев (а мы, к слову, знали и уважали их героев). А для построения этого моста хороши все средства — и электронные книги, и радиотеатр, и игровой театр, и кино, и студии по интересам, и музеи, и байки у костра и даже — страшно представлять! — некоторые качественные компьютерные игры. Литература и игра связаны напрямую. Переволпнуться в героя, мыслить и чувствовать как он... Поэтому в передачах я, играючи, ставлю персонажей в нелепые ситуации: похитить Прекрасную Елену вместо Париса? Записать на магнитофон свист Соловья-разбойника? Править островом Буяном, пока царевич Гвидон в отпуске? Почему бы и нет! Потому что на уроках мы так часто делаем игровые упражнения: попутину за минуту переодеть волка в бабашку Красной Шапочки или перепрыгнуть через Луну в костюме коровы... Так книга потихоньку заглядывает внутрь, и вот старшие ученики уже готовы к тому, чтобы самостоятельно набросать сценарий и снять кино по понравившемуся эпизоду. Даже в школьной программе редких книг, есть унылая подача, когда дающий уже сам давно не заинтересован в материале. Да, эта книга поразила вас в детстве, но давно ли вы её перечитывали? Да, это произведение стоит в обязательной программе, но чем оно тронуло именно вас? А к этой незнакомой книжке у ребёнка потянулась рука — так может, не морщиться, а вместе узнать новое...

Секрет эликсира читательского счастья — искренний интерес родителя или учителя, который нужен ребёнку как воздух. Летними вечерами на даче дядя веселил меня рассказами о Гулливере и Робинзоне. Не скажу, что позже эти книги привели меня в восторг, но «игра в Робинзона» надолго стала одной из самых заманчивых фантазий. И если «Том Сойер» — ваша любимая книга, вам её и читать. Вслух. Или пересказывать в красках. Или сводить ребёнка на спектакль, сделанный с любовью хорошим режиссёром. Устроить конкурс по покраске картонного забора на детском дне рождения. Искать способ, как донести то, что тронуло именно вас, — протянуть связующую нить от сердца к сердцу. Да, это труд.

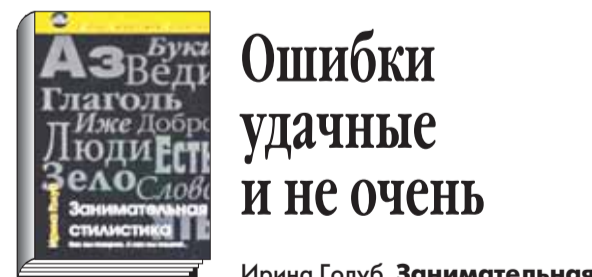
Валентина ДЁГТЕВА, детский писатель, сценарист передачи «Как курить ланой» на «Радио России», преподаватель студии «Сказка выходного дня» при Государственном литературном музее

КЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Ни года без Лермонтова
М.Ю. Лермонтов: pro et contra: Антология. Т. 2. — СПб.: РХГА, 2014. — 998 с. — 300 экз.

Двухсотлетний юбилей Лермонтова отгремел, одна из первых тем возвращённого сочинения была «по Лермонтову», и вряд ли скоро теперь на его творчество будет делаться особый акцент. Но можем ли мы не написать, что в серии «Русский путь» вышел второй том солиднейшего научного исследования, в котором под одной обложкой собраны труды выдающихся литературоведов и историков литературы — от С.Г. Бочарова (взгляд на Лермонтова как «открывателя верхнего ряда русской прозы») и Е.Г. Этклинды («Поэтическая личность Лермонтова») до А.К. Жолковского, Л.В. Пумпянского и Ю.В. Манна. Многие статьи опубликованы впервые или впервые переведены на русский язык, так как в сборнике объёмно представлены и взгляд зарубежных исследователей творчества Лермонтова. Некоторые труды носят характер углублённый и академический, другие — новаторский и экспериментальный. Почти половина книги посвящена различным аспектам «героя нашего времени» — от повествовательной структуры и граней образа Печорина до семантики отдельных новелл. Немало внимания уделено лирике Лермонтова, и его драматическим произведениям. Вся книга в целом актуализирует значение творчества писателя, обрисовывает его место в современности, и недаром изданию предпослана вступительная статья С.В. Савинкова «Поэт нашего времени».

Обошибки удачные и не очень
Ирина Голуб. Занимательная стилистика: Как мы говорим! А как мы пишем!.. — М.: Школа издательского и медиабизнеса, 2015. — 272 с. — Тираж не указан.

Это второе издание «Занимательной стилистики» Ирины Борисовны Голуб. В книге в лёгкой остроумной форме даётся типология речевых ошибок, нарушений языковой нормы. В некоторых случаях они могут быть художественным приёмом (как это работает — Голуб рассматривает тоже), но чаще приводит к смешным нелепостям, недопониманию и речевой неряшливости. Исследовательница не копает очень глубоко, но в большей по объёму книге успевает рассмотреть широкий спектр нарушений: логических, стилистических, фразеологических, синтаксических, ошибок в словоупотреблении и неконтролируемое использование заимствований. Примеры взяты как из книг русских писателей (в том числе современных), так и из школьных сочинений, СМИ, случайно увиденных объявлений или услышанных репортажей, эстрадных выступлений. Весь материал систематизирован, книга вполне подходит для того, чтобы составить представление о речевых ошибках — как самых распространённых, так и более редких — и научиться их распознавать. Иногда может показаться, что Голуб придирается — так крепко укоренились в нашей повседневной жизни некоторые ошибки. Но в действительности такой языковой пуризм необходим: рано или поздно какие-то нарушения станут нормой, но не дело учёному отказываться от контроля и пускать всё на самотёк.

Словарь обычаев и обрядов
Ольга Атрошенко, Юлия Кривошапова, Ксения Осипова. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. — 544 с. — 2000 экз.

Словарь, подготовленный при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, удовлетворит не самые очевидные потребности учителя-словесника: быть знакомым с многовековыми бытовыми и культурными особенностями жизни русского народа. Имена и праздники — языческие и христианские — имеют историю, иногда столь же увлекательную, как литературное произведение. Словарь знакомит с понятием «хрононим», которое наполняет точки и периоды календарного времени особым смыслом. К примеру, что такое Иванов день? Словарь не только расскажет подробно о верованиях и ритуалах, связанных с этим праздником, но и даст разъяснение многим понятиям, образованным от этого хрононима. Масленица в разных местах России справлялась неодинаково — словарь расскажет и об этих отличиях. Пословицы и поговорки, народные приметы и своё собственное лицо едва ли не у каждого дня в году — таково содержание этого научного исследования.

Правила рождённого читателя
Джейсон Буг. Рождённый читать: Как подружить ребёнка с книгой. — М.: Альпина нон-фикшн, 2015. — 302 с. — 2500 экз.

Американец Джейсон Буг начал читать своей дочери Олив, когда ей исполнилось всего неделя, а через год впервые привёл её в библиотеку. Он считает приучение, приобщение современных детей к чтению особенно важным: ведь именно этому поколению предстоит решить судьбу книг — и бумажных, и электронных. Свой опыт он находит успешным и делится советами, которые могут пригодиться не только родителям, но и учителям начальных классов. Читайте вместе, задавайте как можно больше вопросов, обсуждайте детали книги, разыгрывайте историю в лицах, пусть ребёнок попробует отождествить себя с героями книги. Хвалите ребёнка во время чтения, делитесь с ним своим мнением, обсуждайте прочитанное. Если ребёнку понравилась одна книга «про щенка» — подберите ему и другую. Стройте догадки о дальнейшем развитии сюжета, расширяйте границы знаний ребёнка, показывая мир за пределами его непосредственной среды обитания. Соотнесите сюжет с реальным опытом — и побуждайте ребёнка пересказывать любимые истории. Практика показывает, что даже двухлетний ребёнок способен остроумно применять цитаты из любимых книжек. «Роль родителей, — пишет Джейсон Буг, — не уходит в прошлое вместе с детскими книжками. В действительности она только начинается. Ваш ребёнок входит в решающий этап жизни книголюба, и вы должны помочь ему встретиться со всеми книгами, которых просит его душа».

ТЕМА ВОЙНЫ

Когда грохочут пушки – музы молчат?

Семейными историями, фильмами, военными песнями я был окружен с детства. Отец, уйдя на фронт добровольцем в семнадцать лет, окончил ускоренные летные курсы и всю войну пролетал радистом-пулеметчиком в дальней авиации. Бомбил Берлин. Его самолёт неоднократно сбивали, один раз – в Белоруссии над луковым полем, на котором целый месяц потом папа выживал, пока его не заприметила одна из жительниц окрестного села, которая помогла связаться с местными партизанами. Всю оставшуюся жизнь отец на лук не смотрел. Наелся за тот военный месяц. В школе мы тоже сбивали рассказы фронтовиков. Их боевые ордена и медали торжественно звенели. Наш мальчишеский интерес к войне был колоссальным, и во дворе мы играли «в войнушку».

Прошло 70 лет. Живых свидетелей тех событий осталось совсем мало, трагедия и Победа превращаются в далёкий и формальный этап отечественной истории. Как привлечь внимание современных школьников к этой теме? И для чего вообще это делать сейчас? В мире, где модно иронизировать над «спасибо деду за Победу», на территории некоторых государств почти официально проходят фашистские марши. Недавно мы были свидетелями кошмарного вопроса на тему: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» А сегодня уже главу Российского государства не приглашают на 70-летие освобождения Освенцима. Ещё немного, и мы, перефразируя известное классика, «...поражены от победы не сможем больше отличать». А ведь, как выражался другой классик, «народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». Литература военных лет раскрывает нам такое важное, но ныне дискредитированное понятие, как любовь к родине, рассказывает о человеческом героизме и самопожертвовании. И говорить об этом с сегодняшним подрастающим поколением необходимо.

Для знакомства с темой неплохо бы использовать видеоматериалы. Например, показать документальный фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Дать краткую историческую справку и привести статистику. Найти общие точки соприкосновения. Можно спросить, в какие компьютерные игры, посвящённые Великой Отечественной войне, школьники играли? Какие современные фильмы о той войне смотрели («Мы из будущего», «Туман»)? Как бы они сами поступили на месте того или иного героя? Главное – вовлечь ребят в дискуссию, в живое общение, не превращая урок в сухой монолог учителя.

Посещение литературного музея позволит соприкоснуться с живыми артефактами: письмами, черновиками, изданиями книг военных лет. Да и сами факты биографии того или иного писателя, рассказанные не в школьной обстановке, вызовут больший интерес у молодого читателя. В Казани, например, существует Музей татарского поэта Мусы Джалиля, до смерти замученного фашистами, который даже в Моабитской тюрьме пи-

сал патристические стихи. Они чудом уцелели и позднее были переданы на родину через бывших военнопленных. К способам повышения интереса школьников к литературе о Великой Отечественной войне я бы добавил создание ими электронных презентаций по теме, приглашение на уроки представитель патристического движения «Снежный десант» или других схожих организаций.

Конечно, выбор произведений для изучения неограничен, для каждого возраста можно подобрать своё: от коротких рассказов (Шолохов «Судьба человека») и стихотворений до романов (Гроссман «Жизнь и судьба») и мемуаров известных полководцев или простых сол-

завораживающий голос Анны Ахматовой. В интернете есть аудиоматериалы, где она читает стихи «Клятва», «Мужество» и другие из цикла «Ветер войны», который писался в те страшные годы в Ленинграде и Ташкенте.

Всю блокаду в Ленинграде не только выживала, но и работала над лучшими своими стихами поэтесса Ольга Берггольц. Её голос остаётся полновесным свидетельством страшных годов войны и героизма ленинградцев. Вот, например, отрывок из стихотворения, написанного 5 декабря 1941 года «Разговор с соседкой»: «...О, ночное воище небо, / дрожь земли, обвал недалеке, / бедный ленинградский ломтик хлеба – / он почти не весит на руке...»

Кадр из фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм»

дат. Поскольку сам принадлежу к поэтическому миру, подробнее хотел бы остановиться на поэзии военных лет. Самое эмоционально и сильно произведение на военную тематику, на мой взгляд, написано поэтом-фронтовиком Александром Твардовским «Я убит подо Ржевом». Можно вспомнить произведения Давида Самойлова, Константина Симонова, Юлии Друниной и других. Интересно прочесть стихи невоенных поэтов. Например, Борис Пастернак написал в 1943 году на освобождение города Орла: «Я скажу: долгу суровость! / Белую на стол! / Сногшибательная новость! / Возвращён Орёл». Уместно побеседовать с ребятами, провести опрос на тему: «Может ли настоящий поэт написать о войне хорошие и правдивые стихи, не имея фронтового опыта?»

Педагогу неплохо взять на вооружение... юмор. Это могут быть литературные байки, «вкусные» детали из истории создания произведений. Например, известный литературный блогер Эмиль Сокольский делится таким историческим анекдотом: «Михаил Светлов однажды рассказал: «Во время войны я читал стихи бойцам. Начался обстрел. И тогда я понял, что в моём стихотворении есть длинноты». Вполне уместно прочесть школьникам, допустим, стихотворение «Итальянец», написанное Михаилом Светловым в 1943 году. Оно действительно немного длинноватое, но одно из лучших его произведений о войне.

Помимо видео и документалистики важно прослушать авторское исполнение наших классиков. Можно призвать на помощь

Говоря о повышении интереса к теме Великой Отечественной, следует понимать, что многое зависит от педагога, от его личной увлечённости.

Готовя материал, я попросил шестерых педагогов разного уровня поделиться соображениями на заданную тему. Итог неутешителен: трое преподавателей вообще не смогли сформулировать личное мнение, четвёртый расписался в своём бессилии чем-либо увлечь своих подопечных. Пятый пояснил, что позволяет ученикам на уроках обсуждать оружие времён войны, этим поддерживается хоть какой-то интерес к описанию сражений в литературных произведениях. Наиболее развёрнутый ответ дал лишь молодой педагог, он только что пришёл в школу. Его рекомендации я уже перечислил: преподнести историческую справку со статистикой; выяснить, воевали ли прадедушки и какие воспоминания сохранили о них в семье; узнать, как бы ученики поступили на месте тех или иных героев; обойтись без патетики. Итак – один ответ из шести. Удручающее свидетельство того, что у самих учителей потерял интерес к теме...

ЭДУАРД УЧАРОВ,
казанский поэт, эссеист, член редколлегии журнала «Казанский альманах»

Примечание: точка зрения автора может не совпадать с мнением редакции. Будем рады, если наши читатели, в особенности учителя-словесники, выскажут собственное мнение: как должна звучать тема войны на уроках литературы?

мье М.Ю. Лермонтовым, прошли сквозь время и актуальны сегодня», делаю наброски. На следующий день получаю панические сообщения: «Что делать? Тема совершенно другая!» По первому направлению предложили сочинение: «Чем творчество М.Ю. Лермонтова может быть интересно современному читателю?»,...

Осваивая правила игры в ЕГЭ, мы добились больших успехов на пути отлучения молодых людей от традиций русской гуманитарной культуры, к которой они приобщались на уроках русского языка и литературы. Принадлежность к которой (нельзя не отметить) продемонстрировало профессиональное сообщество, предложив в этом году: ученики 11-го класса, семнадцатилетние ребята, каждый день сталкивающиеся с большими объёмами информации, не способны понять тему сочинения. Пример – накануне декабрьского испытания на курсах разбираю тему: «Какые проблемы, поднимае-

НАТАЛИЯ КИРИЛЛОВА,
кандидат филологических наук,
учитель,
ТАТАРСТАН

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

«Успех нас первый открылил...»

Окончание. Начало на стр. 1

Состояние восторга будут испытывать и первые читатели стихотворения. В феврале 1815 года П.А. Вяземский напишет К.Н. Батюшкову: «Чудо и всё тут. Его Воспоминания вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастеровская кисть в картинах!» Вошёл в историю и отзыв Г.Р. Державина, бережно хранившего в своём архиве рукопись лицейского поэта: «Скоро явится свету второй Державин. Это Пушкин».

А пока «второй Державин» продолжал обучение в Лицее. Уроки русской словесности с мая 1814 года до июня 1815-го вёл Александр Иванович Галич. Это именно он, как признавался сам Пушкин, «ободрил меня на поприще, мною избранном», и «заставил написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминания в Царском Селе».

Сейчас трудно объяснить, что значит пушкинское выражение «заставил». Судя по воспоминаниям ученика Галича, он не был очень требовательным педагогом, его уроки обычно превращались в литературные беседы. Может быть, он предложил Пушкину саму тему стихотворения? А может быть, его советы сказались в некоторых изменениях первоначального текста? Ведь, посылая рукопись в подарок именитому гостю Лицея, Александр изменил строчку, посвящённую В.А. Жуковскому («Как наших дней певец, славянский бард дружины»), на строчку, которая адресует читателя к самому Державину («Как древних лет певец, как лебедь стран Эллины»). Правке подверглись даже отдельные слова, например, уже в белой рукописи вместо слова «ночи» Пушкин напишет «ноши», соблюдая традиции произношения века XVIII и подбирая более точную рифму:

*Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине
почли дол и рощи,
В седом тумане дальний лес...*

Но есть ещё один литературный сюжет, который может быть связан с

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Второе рождение

Борису Пастернаку 125 лет

Окончание. Начало на стр. 1

Маяковского, по словам Пастернака, насаждают, «как картошку при Екатерине». Но со временем и самого Пастернака принялись – на другой полянке – точно так же насаждать, только как авокадо или артишоки, которые едва ли помогут пережить голодную зиму. Пастернак ничуть не менее революционер, чем Маяковский. Он написал «Лейтенанта Шмидта» и «Девятьсот пятый год»:

*Это народовольцы,
Перовская,
Первое марта,
Нигилисты в поддёвках,
Застенки,
Студенты в пенсне.*

Он с восторгом писал о Ленине и желал «Труда со всеми сообща / И заодно с правопорядком». На Первом съезде писателей Пастернак сидел в президиуме, делал доклад, и, если верить стенограмме, присутствующие приветствовали его «продолжительными аплодисментами». Он среди первых получил переделкинскую дачу, квартиры на Тверском бульваре и в Лаврушинском. Ему звонил Сталин – посоветоваться. Благополучие нисколько не пригласило ореола страдальца и ни на йоту не сдвинуло создателей его культа с мёртвой точки не критичного поклонения. Пастернак продолжает оставаться одним из самых грантоёмких авторов, и не воспользоваться этим в околотворительной среде считается верхом неразборчивости. Многие советские писатели были обласканы властью и осыпаны благами. Но о них не сложился миф. А миф о Пете в России много выше личной легендарности, и, согласно ему, Поэт должен если не прозябать в нищете, то страдать много и горько, как завещал Достоевский.

Русская поэзия архетипически отличается удивительно ясной и незамутнённой просодией – интонацией, звуковым и ритмическим наполнением – при любой сложности смысла. Поэтика смысла, похорошенных под рациональным, головным словесным набором, – авангард, как гордо именуют это Лего его заядлые собиратели, – никогда не станет у нас магистральным направлением. Количество приверженцев авангардных форм будет исчисляться единицами, причём эти единицы сами же

общением Пушкина и Галича. В том же декабре 1814 года у юного автора рождается новый замысел: «Летом напишу я «Картину Царского Села». Сохранился план этого сочинения: «1. Картина сада. 2. Дворец. День в Царском Селе. 3. Утреннее гулянье. 4. Полуденное гулянье. 5. Вечернее гулянье. 6. Жители Царского Села». Замысел не был воплощён. Может быть, это связано с тем, что летом альонкнт-профессор Галич уже покинул Лицей, и Пушкина некому было «заставить»...

Каким же он был, Александр Иванович Галич, чьё «ободрение» на избранном поприще было столь важным для юного поэта? В восприятии Пушкина – добрейший человек, старший товарищ. К нему можно было обратиться в стихах: «мой добрый Галич», назвать «ленивым философом», «апостолом неги», «младшим братом Эпикура» и пригласить на лицейскую прогулку. С ним можно было разговаривать обо всём и с лёгкостью постигать серьёзные вещи. Неслучайно первое его научное сочинение было построено в форме диалога мудреца с юношей Агатоном, а сама беседа посвящалась разносторонним путям поиска истины. Видимо, этот жанр был особенно близок молодому преподавателю.

Автор биографической книги о Галиче, А.В. Никитенко, опираясь на воспоминания, отмечал, что тот был «...очень приятным собеседником лицейских воспитанников, которые весело проводили с ним время иногда за чтением своих стихотворений, нисколько не пугаясь его профессорской осанки». Во время уроков ученики порой покидали свои места и «окружали толпой кафедру снисходительного лектора».

Когда Галич покинул Лицей, его отсутствие остро ощущалось, и Пушкин адресовал ему строки, которые звучат неподдельно искренне:

*Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,
Беседовать с тобой...
Беги, беги столицу,
О Галич мой, сюда!*

Ученики Галича сохранили для нас и его совет начинающим авто-

рам: «Быть ясным в душе и языке». Сегодня несомненно, что лицеист Александр Пушкин воплотил этот наказ в полной мере.

Интересно, что как раз в период преподавания Галича Алексей Иллвичский в письме товарищу Павлу Фуссу рассказывал о значении литературы в жизни Лицея: «Чтение питает душу, образует разум, развивает способности; по сей причине мы стараемся иметь все журналы – и впрямь получаем: Пантеон, Вестник Европы, Русский Вестник и пр. Так, мой друг! и мы тоже хотим наслаждаться светлым днём нашей литературы, удивляться цветущим гениям Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнедича. Но не худо иногда подымать завесу протёкших времён, заглядывать в книги отцов отечественной Поэзии, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитриева; там лежат сокровища, из коих каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать певцов иноземных (у них учились предки наши), беседовать с умами Расина, Вольтера, Делиля и, заимствуя от них красоты неподражаемые, переносить их в свои стихотворения». Письмо датировано 10 декабря 1814 года.

В это же время Александр Пушкин писал стихи для лицейского экзамена. Поощряемый Галичем, он в своём сочинении поднимал «завесу протёкших времён», а порой и заимствовал от великих творцов прошлого «красоты неподражаемые». «Воспоминания в Царском Селе» прославили автора, а сам он всю жизнь помнил имя «добраго Галича», чьё «ободрение» его в начале поэтического пути.

В первой программе своих «Записок» (1830) Пушкин под датой «1814 год» намечает знаменательный ряд: «Экзамен, Галич, Державин – стихотворство...» Он ставит рядом два имени: учителя словесности и художника слова, тех, кто направил и благословил его на путь Поэзии. Он окружает эти имена словами «экзамен» и «стихотворство»: ведь именно с этого дня начался его путь в литературу, путь в Вечность.

ЕКАТЕРИНА ДОБРОВОЛЬСКАЯ,
специалист отдела музейной педагогики Всероссийского музея
А.С. Пушкина

позднего Пастернака тоже родились вместе со страницами «Доктора Живаго»: «Лист сморозин груб и матерчат...». Что тут поэтического? – спросил бы булгаковский Рюхин. Ко времени написания «На ранних поездках» – вершинной своей книги – Пастернак уже был живым классиком. А классиков не судят, в молчании принимая любые их версты. Радикальную перемену поэтики зрелого, давно сложившегося автора – случай уникальный – словно никто и не заметил.

Живущий в Бишкеке критик и литературовед М. Озмитель написал исследование первого стихотворения «живаговского» цикла – «Гамлет». Его смущала совершенно обаятельная, прозаическая кондовка столь патетического текста: «Жизнь прожить – не поле перейти»: «Легко напрашивающееся оправдание такой конюшечки стихотворения «Гамлет» заключается в том, что оно не напрямую принадлежит Б.Л. Пастернаку, но написано персонажем романа – Юрием Живаго. А Юрий Живаго – это, конечно же, не Б.Л. Пастернак».

Но Пастернак идентифицировался поэтически со своим персонажем и – это ещё один сумасшедший прецедент в мировой поэзии – родился вместе со стихами, которые он вложил в уста героя – Юрия Живаго. Стихами, передоверенными доктору, бегущему – и не убегающему – от стихии бунта, в котором зарождается совершенно иная жизнь страны и народа, Пастернак совершал переход в новое качество, одновременно постигая и «ересь» простоты, и её головокружительную метафизику:

*Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было Младенцу в вертле
На склоне холма.*

Название «Второе рождение» оказалось пророческим. Из таинной себе евангельской сдержанности и из пушкинского немногословного, как библейская история, описания метели: «В одно мгновение тёмное небо смелалось со снежным морем. Всё исчезло», – родилась новая просодия. Поэт по моде стал Поэтом по сути, его сразу накрыли не мифические, а самые спиритические страдания, словно короля Лира. Впрочем, это всем известно.

МАРИНА КУДИМОВА

РЕПЛИКА С МЕСТА

Привычка к шаблону?

Сочинение в этом году оказалось ожидаемой проблемой. Самым сложным делом для меня оказалось убеждение старшеклассников, что писать нужно то, что думаешь. Ученики разучились работать не по шаблону. Большого труда стоило именно убедить ребят, что перед ними не стоит задача вспомнить что-то красивое, умное и правдивое, что писать можно то, о чём размышляют они сами. И не стоит думать, что мы имеем дело с людьми, совсем уж не умеющими мыслить. Скорее – с теми, кого убедили, что самостоятельность мысли не важна. Боюсь, что неслучайно из критериев оценки сочинения пропал балл за оригинальность, который первоначально был завялен.

Главный (печальный) результат многолетней школьной подготовки к ЕГЭ – отличный сформированный навык игры в «Угадайку». Абсолютное большинство учеников уверены в том,

что нужно попасть в некий ключ (как с поиском проблемы при написании рецензии в тексте), который заранее известен. То есть буквально угадать, какие аргументы (которые связаны с конкретными художественными произведениями) нужно привести. Это странное ощущение сформировано четырнадцатилетним тестовым экспериментом, в ходе которого обычной практикой стало выписывание и заучивание аргументов под ту или иную проблематику: проблема утраты духовных ценностей – «Людочка»; взяточничества – «Ревизор»; предательства – «Тарас Бульба» и т.д.

И ещё одна проблема, которая со всей остротой проявилась в этом году: ученики 11-го класса, семнадцатилетние ребята, каждый день сталкивающиеся с большими объёмами информации, не способны понять тему сочинения. Пример – накануне декабрьского испытания на курсах разбираю тему: «Какые проблемы, поднимае-

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Стриптиз в некрологе

«Критика в некрологе недопустима. Никакой критики, даже намёка на критику. Не упрекать умершего человека. Тем более не злорадствовать по поводу его смерти».

Из правил написания некролога

«Порой мне кажется, что нет на свете ничего более искреннего, чем некролог».
Густав Шплет

Год назад умер Геннадий Исаакович Беленький, член-корреспондент Российской академии образования, автор учебных пособий, которые прокладывали новые пути в преподавании литературы, и глубоких теоретических исследований. Говоря попросту, мэтр отечественной методики преподавания литературы.

В журнале «Литература» был напечатан некролог. Его написал Борис Ланин. И кому же, как не ему, писать его? Это Беленький привёл Ланина в педагогическую академию, а потом передал своё место — заведующего лабораторией литературного образования Института содержания и методов образования РАО. Кому, как не Ланину, доктору филологических наук, приглашённому профессору Хоккайдского университета (Япония), Института Кеннана и Военной академии (США), Университета Бен-Шева (Израиль), Университета Бат (Великобритания) — и далее по списку: член редколлегии международного журнала, член диссертационного докторского совета, соредaktor, судья, член учёного товарищества... К тому же очень, очень обязанный Беленькому на решении того жилищного вопроса, который, по словам Воланда, нас испортит.

Начинается некролог чинно и благородно. «Всё, что касалось Великой Отечественной войны, для Г.И. Беленького было святым. Он участвовал в Сталинградской битве, стал прототипом персонажа знаменитого советского романа Юрия Бондарева «Горячий снег». Он был командиром артиллерийского взвода, служил вместе с Бондаревым. На передовой он провёл одиннадцать дней, а за всё это время состав взвода обновлялся два раза. Две недели не выживал никто. К счастью, на 11-й день войска фельдмаршала Паулоуса капитулировали». (Примечание: я знал Беленького чуть ли не полвека, но никогда он мне не рассказывал ничего о войне.) «Беленький, конечно, был именно выдающимся учёным. Его начинательность была потрясающей. Читал Беленький

быстро, память была великолепной даже в очень почтенном возрасте. Всё это сложилось в редкую эрудицию, помноженную на уникальную работоспособность».

А вот потом — потом — Ланина понесло. Чтобы понять характер того, что произошло, я процитирую, что писал о своём шефе Ланин при его жизни, в 2003 году: «Прекрасный знаток литературы, весь свой огромный научный потенциал он обратил на исследование вопросов преподавания литературы в школе. Крупнейший современный методист, внёсший значительный вклад в продолжение и развитие традиций отечественной методики преподавания литературы».

И вот — после его смерти — он пишет следующее: «Беленький не создал своей научной школы, потому что всегда избегал конкуренции. Его никогда не беспокоила проблема смены поколений в главной методической лаборатории». Считаю унизительным заниматься опровержением. Скажу только вот что. Беленький был методистом в районе, где я начинал работать учителем в школе. Это он привёл меня в сектор литературы педагогической академии.

Я хочу спросить у Ланина: чьей конкуренции боялся Беленький? Сможет ли Ланин назвать мне хоть одного человека, который в последние 25 лет вошёл в методику и привлёк к себе всеобщее внимание? Или же он боялся конкуренции Ланина? Кстати, Ланину 53 года, 15 лет он в лаборатории. Ну и кого он воспитал, ввёл в науку? И что выпустила его лаборатория, не считая самсезбиздата учебников и (чем гордится Ланин) двусот книг русских писателей, которые он «подготовил и откомментировал». Бедный, бедный Сергей Михайлович Бонди: он за всю жизнь только две книги подготовил и откомментировал для школьников: лирику Пушкина и «Евгения Онегина»!

Но главное в другом. Ланин пишет: «Докторская диссертация Г.И. Беленького «Теория литературы в средней школе (7–10 классы)» (1973) до сих пор оказывает влияние на методику, причём влияние неожиданное. Логика Единого государственного экзамена по литературе состоит в проверке знания терминологии и умения кратко охарактеризовать предложенный литературный текст. Как раз вследствие внедрения методических идей Г.И. Беленького

литературоведческая теория стала основой изучения литературы в школе. Если одной фразой охарактеризовать его идеал преподавания литературы в школе, то она звучала бы так: «Ученик — это литературовед». Может, Г.И. Беленький и возражал бы против такого девиза, но иначе не получится. Теория литературы стала главным стержнем изучения». Не забывайте, что я цитирую некролог!

Утверждать, что диссертация сорочальней давности определила современный уровень преподавания литературы — дико. Тем более что сам Беленький за эти годы выпустил пособия и книги, направленные на то, чтобы донести до учеников литературу как живое слово. К тому же он был противником ЕГЭ по литературе. А в подготовленной Ланиным и его коллегами программе по литературе для старших классов однозначно сказано, что она «позволит успешно подготовить учащихся к единому государственному экзамену по литературе».

По долгу службы Ланин обязан знать, что происходит в современной школе: литература, оставаясь непрочитанной, стремительно уходит с уроков литературы. Что касается подчинения литературы термину, вплоть до умения отличать реализм от социалистического реализма, то этого в программе Ланина полно.

И так во всём. Вот на «Родительском собрании» по «Эху Москвы» обсуждаются проблемы декабрьского сочинения одиннадцатиклассников. Тема эта вызвала обеспокоенность и учеников, и учителей, и родителей. Но выступает Ланин, для него всё просто: «Я не вижу большой проблемы. В наших учебниках после каждой темы есть задания, связанные с сочинением». Ну, если в их учебниках есть такие темы, о чём же речь! (О том, как на самом деле восприняли это сочинение учителя, читайте на страницах «Словесника».)

В своей программе Ланин предлагает ученику десятого класса на «минимально допустимом уровне» в течение одного учебного года прочесть более четырёх тысяч страниц художественного текста и ещё 3715 страниц «для самостоятельного чтения», что бы это ни значило. Но в интервью московской «Учительской газете» 19 марта 2013 года он заявил, что после начальной школы времени уже нет, чтобы читать сами книги — «Можно только разговаривать о какой-то

книге. Поэтому нужно понимать, что мы говорим только о тех книгах, экзамен по которым придётся сдавать». Как говорится, умри, Борис, лучше не скажешь. Мы не книжки читаем — мы готовимся к экзаменам.

Некролог заканчивается на мажорной ноте: «Как-то году в 2005-м зашла к нам в лабораторию пожилая учительница. «А кто у вас сейчас работает? А то раньше я часто заходила, может, остался кто-то из знакомых...» Начали перечислять, дошли до Геннадия Исааковича. «А почему это Исаакович? Наверное, Геннадьевич? Или это уже внук?» А это был он сам, живой и регулярно печатающийся. В январе 2014-го его не стало. Методика живёт — и будет жить».

Итак, перед нами Борис Ланин в натуральную величину. После смерти Беленького проверенные временем его учебники перестали издавать. Учебники Ланина, естественно, переиздаются. Своя рука владыка.

Российская академия образования не откликнулась на смерть Геннадия Исааковича Беленького. Возможно, они были заняты составлением очередного плана повышения уровня патриотического воспитания и усиления внимания к ветеранам Великой Отечественной войны в связи с 70-летием Победы...

Несколько слов о себе. Я был одним из основателей газеты «Литература», которая потом стала журналом, на страницах которого и опубликован этот некролог. По статусу, по протоколу и мне полагают некролог на страницах этого журнала. Но мысль об этом меня угнетает и пугает. Поэтому прошу Сергея Волкова не как члена Общественной палаты, не как члена Общественного совета при Министерстве образования, не как члена Совета по проведению выпускного сочинения, не как доцента Высшей школы экономики, не как даже главного редактора журнала «Литература», не как почётного работника народного образования, а просто всё-таки как коллегу уважить просьбу учителя, который заканчивает свой 63-й год работы в школе... Я не хочу, чтобы моё имя в любом виде появилось на страницах журнала, который надругался над одним из моих учителей.

ЛЕВ АЙЗЕРМАН

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕНА

АЛЕКСЕЙ ДУНЕВ — учитель-словесник из Ленинградской области. Мы публикуем стихи из его книги «Шаги по времени», которая вышла в минувшем году в Санкт-Петербурге.

***
Небо навалилось на деревья,
Купола завязли в облаках,
Город, как известно, не деревня.
Нет желающих
всегда быть в дураках.
А весна — коварная подруга,
То пригрезит, то разденет,
как жена.
Охладеет и наступит вьюгу,
Такова коварная весна.
И какая-то подбитая ворона
Каркнет так,
что вздрогнут все вокруг,

Каркнет так,
что рухнет оборона
И весне опять сойдёт всё с рук.

***
А душе, ей всегда мало.
А душе, она рвётся к Богу.
В синем небе думом алым
Обозначит душа дорогу.
Я вернусь, только Время канет.
Слов станет мойкой тенью.
И во мне польхнёт
Память
О грядущих за мной поколениях.

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

«А вдруг... и наругают»

В последнем номере журнала «Новый мир» за 2014 год вышла статья доктора филологических наук Лии Бушканец «ЕГЭ и литература. Две вещи несоместные?», посвящённая принятой системе оценки, которой руководствуются проверяющие эксперты ЕГЭ по литературе. Бушканец — практикующий преподаватель и эксперт, статья по многим параметрам интересна и содержательна, и мы рекомендуем её нашим читателям (номер «Нового мира» есть также и в интернете). Сделан поэтапный доскональный разбор критериев оценки, показана невнятность перевода «первичных» баллов во «вторичные», без прикрас сказано о фантазматических трудностях работы эксперта, от которой нередко зависит будущность выпускника. Казалось бы, никакой злокозности. Никто не хотел плохо. Но вот, например, такое признание: «...все, не имеющие отношения к ЕГЭ и системе образования, были бы изумлены, узнав, сколько стоит проверка одной работы. Меньше, чем стоит один проезд на транспорте. За алескую работу по 12 часов в день при невозможности отвлекаться эксперт получает гроши — за такие деньги те же школьники не соглашаются даже промощорами на улице постоять. Но чем быстрее читается, тем быстрее все работы сливаются в

один сплошной текст, и где уж оценить каждый ответ...»

Это только цветочки. От описания многочисленных колебаний проверяющего, когда «кривая» оценки неумолимо ползёт вниз (и почти никогда вверх), становится, мягко скажем, не по себе. А ведь это только «первичный» уровень — дальше последует перевод баллов во «вторичные» по системе, которая поражает своим предумышленным лукавством: причины этого явления также анализирует Бушканец. Не последнюю роль в маетных затруднениях эксперта играет обособленная боязнь, что начальство будет проверять и за что-нибудь да наругает. Можно ли попытаться исправить эту ситуацию трагифарса? «Если бы задания на этапе их подготовки проходили серьёзную экспертизу... Если бы эксперт проверял тщательно и взвешенно, мог посоветоваться с коллегами, не спешил заработать побольше... Если бы эксперт не боялся быть самостоятельным в оценках, особенно нестандартных работ... Если бы на апелляциях не нужно было защищать «честь мундира» и никто бы не боялся опять же проявить самостоятельность...» Следует добавить: и если бы общество и министерство образования наконец договорились, что они хотят от школьного курса литературы.

ЧЕЛОВЕК И СЛОВО

«Старик и море», любимая фотография С.И. Ожегова. Прибалтика, 1963 г.

Истории отечественной науки и культуры С.И. Ожегову принадлежат особое место. Он был почти символом словесной традиции своего времени. Для людей его века, на плечи которых легли тяготы Гражданской и Отечественной войн, Сергей Иванович оставался непрекращаемым авторитетом, с которым считались и технологи, и домохозяйки... Он терпеливо отвечал на сотни писем. Вот он разъясняет своему корреспонденту: «Слово давеча — хорошее русское народное слово. В литературном языке ему могут соответствовать слова «недавно», «на днях» и т.п. В разговорной нашей речи всегда можно сказать «давеча», по-народному. Оно не содержит в себе никакой грубости. Его можно встретить в художественной литературе в разговорах действующих лиц».

Письменное общение академического учёного было настолько живым, с неподдельным доверием и уважением к незнакомому собеседнику, что невольно представляешь себе, какой интеллектуальный порыв вызвал у читателей, среди которых было немало истателей. «Словарь русского языка» (1-е изд. — М., 1949). Так, в послании одного из них, студента Шаньдунского университета Сюй-Чжэн-Хуа, содержа-

Какое слово важнее?

Памяти Сергея Ивановича Ожегова

лись следующие строки: «Я хочу быть Вашим китайским учеником и иметь возможность постоянно получать Ваши наставления. Прошу Вас не отказать мне в этом, дорогой учитель, — позвольте мне назвать Вас так по нашему китайскому обычаю».

В другом письме Ожегов с педагогической пунктуальностью объясняет трудности русского языка:

«Дорогой товарищ Ван-Яо-Тин! Вы просите меня сообщить, есть ли в русском языке слово «счастливый».

Вполне логично предположить, что если есть противопоставление слова «несчастливый» — «счастливый», то должно существовать такое же противопоставление слова «несчастный» — «счастливый».

Так оно и было. В XVI—XVIII веках слово «счастливый» существовало в русском языке. Почему же оно исчезло из языка и перестало употребляться? Потому, что слова «счастливый» и «счастливый» были сходными по значению словами, полными синонимами, но слово «счастливей», будучи прилагательным качественным, лучше выражало мысль. Оно и осталось в языке, а «счастливый» исчезло.

Слово же «несчастливый» осталось в языке, потому что оно по значению и по употреблению не совпадает полностью со словом «несчастливый».

Если у вас или у Ваших товарищей будут вопросы ко мне, я охотно буду отвечать.

Шлю привет Вам и всем китайским ученикам, так хорошо изучающим русский язык.
С.И. Ожегов».

До сих пор в хрестоматийной биографии С.И. Ожегова есть факты и обстоятельства, не получившие огласки в его время, а позже утерянные из виду. Настоящей, мы бы сказали, честной биографии учёного пока не написано. Ещё совсем в молодые годы С.И. Ожегов задумал подготовить интересный тезаурус, который в своих заметках назвал так: «Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник». Это могло быть, по сути, не только лингвистическим, но и документальным свидетельством жизни языка в то сложное время, которое рождало новые слова: *керенка, мещончик, самокритика, заеридиловка, рабфак*. Учёный разрабатывал для такого словаря систему стилистических помет, принципы акцентуации и определения значения слова. К сожалению, он так и остался в планах.

В 1930-е гг. Ожегов участвовал в составлении «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова и был одним из самых деятельных, преданных словарному ремеслу помощников, «движителей», как его называли. Здесь он прежде всего занимался о преемственности духовных традиций, о создании нормативной базы лексикографического описания языка, о приобщении к словесной культуре всех слоёв населения.

Как же работали учёные в те годы без электронных карточек и программ? Ожегов вспоминал: «Толковый словарь начался на голых местах. ...мы читали газеты, военные уставы, политическую литературу, списки профессий, сельскохозяйственные книжки, *Цемент* Гладкова и стихотворения в прозе, фельетоны Кольцова и купеческие романы Лейкина. Д.Н. Ушаков, например, «знал наизусть по всем редакциям «Горе от ума». Многие правили с ходу. Так, при редактировании слова *мадемуазель* для иллюстрации первого значения («слово, присоединяемое к фамилии девушки, аристократического, буржуазного круга, в знач. барышня, девица») в черновом варианте словарной статьи давался такой пример: «Спросите у мадемуазель Сидоровой». Редакторы быстро сообразили, что фамилия Сидорова едва ли сопоставима с «аристократическим кругом», и её заменили на цитату из Грибоедова: «Ну как перевести «мадам» и «мадемуазель»? Ужель «сударыня»?»

Большой проблемой для составителей было включение духовных, религиозных понятий и явлений и вообще отражение культурного быта старой эпохи. *Библия, Бог...* — эти слова нам представляются совсем обычными теперь. А в 1930-е гг. их печатное утверждение в нормативном словаре литературного языка могло окончиться трагедией для авторов. Один такой эпизод воспроизвёл Ушаков на заседании Отделения литературы и языка АН СССР 26 мая 1939 г.: «Есть очень серьёзное соображение насчёт религиозных слов... Сейчас особенно доказывать это как будто не приходится, но всё-таки иногда встречаются лица, которые советуют, что число их надо уменьшить. У нас статья на слово *бог* была полтора столба. «Много!» — говорят. Ну, давайте опустим фразеологию. А в боготе-фразеология и важна была. Мы ничего не смогли сделать и выпустили очень много». Но всё же самоотверженная позиция авторов и главного редактора первого нормативного словаря советской эпохи позволила им сохранить

полный дух творчества и закрепить в истории то, что ей по праву принадлежит.

К этой части нашего наследия и Д.Н. Ушаков, и С.И. Ожегов были причастны не только в силу культурной традиции, в которой воспитывались, но всем своим существом, так сказать, связаны кровными узами. У каждого в роду были священники. Одним из предков Ожегова, например, являлся протоиерей Герасим Петрович Павский (1787—1863) — переводчик Библии, филолог и общественный деятель, законоучитель наследника царского престола.

К 1940-м годам относится ещё один замысел, где талант С.И. Ожегова проявился с иной стороны — как знатока русской классической драматургии. В соавторстве с Н.С. Ашукиным и В.А. Филипповым готовился к изданию «Словарь к пьесам А.Н. Островского», который «в силу запрета со стороны высших правительственных органов» не был издан и увидел свет лишь спустя много лет — в 1993 году. Его можно назвать энциклопедией русской культуры, путеводителем по быту старинной Москвы, просто «кругом чтения». Какие традиции были в Замоскворечье? Где находился Каменный мост? Кто такой *леший*? Что такое *лучинушка*? Как отмечалась *Масленица*... А какие чудные слова включены в этот «Словарь»: *побасёнка, погляденье, подполлица, разлюбезный, разряжиться* (т.е. расплакаться) и многие другие.

Прошли годы. И уже другое поколение боготворчества клеймilo Ожегова за те же «ошибки» и политические просчёты. Много сил учёный употребил на убеждение редакторов и цензоров своего «Словаря русского языка», которые набросились на него с репликами вроде: «Почему, скажем, в словарь не включены такие слова, как *продналог, прорабвёрстка*, а такие, как *семик* или *хиротония*, нашли в нём место? Разве для молодёжи, например, которая будет пользоваться словарём, последние представляют большой интерес?» (из внутренней рецензии 1946 г.). Даже известные лингвисты, что печально, неоднозначно восприняли выход в 1949 г. этого «Словаря». Один из них, Ф.П. Филин, с нескрываемым неодобрением писал в отзыве на первое издание «Словаря»: «Какое слово важнее, *акон* или *иеродиакон* <...>? Ответ совершенно ясен. Однако автор неизвестно по каким причинам пошёл по пути, странному для советского языкове-

да: «экономия» на крайне нужных словах, он ввёл в «Словарь» огромное количество культурно-религиозных терминов и иных ненужных или малонужных слов <...>» И далее: «Если выписать все эти слова с их определениями, получится (без преувеличения) краткое пособие для «истинно верующих» и начинающих богословов».

Тот же критик писал: «Но более того! Когда заходит речь о терминах и понятиях православной религии, в «Словаре» постоянно даётся «объективистско-положительная» оценка <...> Если бы я лично не знал автора, то с основанием мог бы предположить, что в составлении «Словаря» принимал активное участие какой-нибудь застарелый православный иеромонах, а не советский учёный-языковед!»

Ожегов мужественно сносил подобные мнения, всегда последовательно отстаивая позицию филолога, не идущего вразрез со своей совестью за социальный заказ.

В 2012 г. вышло 28-е, переработанное издание «Словаря русского языка» С.И. Ожегова. Жизнь «Словаря» продолжается!

Долгие годы Ожегов проработал в Институте русского языка АН СССР (ныне — Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН), в самом центре Москвы, на Волхонке, 18/2. Именно здесь им был создан Сектор культуры речи, а в 1950-е годы в Академии наук начинает выходить первая научно-популярная серия «Вопросы культуры речи», организатором которой стал Ожегов. Он же «пробовал» в ЦК ставший известным и получивший заслуженное признание в наши дни журнал «Русская речь», и сейчас следующий заветам незабвенного Сергея Ивановича.

В декабре минувшего года исполнилось 50 лет со дня смерти Сергея Ивановича Ожегова — великого труженика Земли Русской, её просветителя. Именно слово являлось для него огромным интеллектуальным стержнем, опорой, мерилом истинности. Он не был кабинетным учёным, не стремился подниматься по карьерной лестнице, не искал модных тем, не создал объёмных теоретических трудов, не выпустил собрания сочинений... Но у С.И. Ожегова есть имя в науке. И оно уже давно стало нарицательным, а значит, народным. Признание заслуг выше этого не бывает.

Олег НИКИТИН,

доктор филологических наук,
профессор Московского областного
педагогического университета

Редактор приложения Т.Н. ШАБАЕВА; редакционный совет: председатель Всероссийской ассоциации учителей русского языка и литературы Л.В. ДУДОВА; заслуженный учитель РФ Л.С. АЙЗЕРМАН